

№ 28 ИЮЛЬ МОСКВА 1942 • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ГОД ИЗДАНИЯ XXI • ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

КРОКОДИЛ

Рис. Н. Радлова

Разрез головы немецкого солдата *

* Разрезал голову сабельным ударом донской казак Григорий Мирошниченко.

Рис. К. Елисеева

МЕРА ДОБЛЕСТИ

— Ох, и дерутся финские солдаты!..
— Разве ты ходил с ними в атаку?
— Причем тут атака? Вчера подрался с одним финским солдатом.

Приезд героя

Сегодня в доме весело,
Сегодня пир горой:
Из Действующей армии
Приехал сын-герой.

Коней колхозных выслали
На станцию с утра,
И он сошел с почтового
Под громкое «ура».

И обнял он родителей —
Мамашу и отца, —
И сам начальник станции
Слезу смахнул с лица.

И тронулись, поехали
Со станции в колхоз.
Он узнавал окрестности,
Где он мальчишкой рос.

Березовая рощица,
За ней сосновый лес,
А вот налево — пасека,
Направо — МТС.

Остановились лошади,
Дошел он до сеней
И все кругом захлопали
Все громче и сильней

Заслуженному летчику
В кожанке фронтовой
За подвиги геройские,
За орден боевой.

И он сказал: «Товарищи,
Я вас благодарю!
Я вам красноармейское
Спасибо говорю!

Три года, как покинул я
Свой дом и свой колхоз,
И стал военным летчиком,
Ведущим бомбовоз.

Для родины, для Сталина
Не жаль мне ничего!»
И все опять захлопали,
Приветствуя его.

И сквозь толпу народную
Пройдя с большим трудом,
Вошел он в дом
родительский —
Простой крестьянский дом.

Вошел — и в светлой горнице
Вдруг стало днем темно:
Все будущие летчики
Явились под окно.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

В Кенигсберге, в бомбоубежище

— Который час, герр Шульц?
— Один час двенадцать минут семь секунд.
— Ох!..
— Что? Кто там вздыхает? Это вы, фрау? Так, так... Что вы хотели этим сказать?
— Я хотела этим сказать, герр Шмуцке, что... что я отсидела правую ногу.
— Это хорошо. Но в таком случае надо выражаться более точно, дабы окружающие не подумали, что ваш вздох есть упадок настроения.
— Наоборот, мне очень весело, герр Шмуцке. Я так довольна, так довольна!..
— Это очень хорошо, фрау Мюллер.
— Кто это фрау Мюллер?
— Из семнадцатой квартиры. Муж ее когда-то был электротехником.
— А сейчас?
— Сейчас он уже не электротехник. Сегодня утром она получила извещение. Убит в России.
— За эту неделю уже четвертый раз мы здесь сидим.
— Не четвертый, а третий!
— Вы ошибаетесь, герр Шмуцке: четвертый.
— Третий! Поскольку о первом не было никакого официального оповещения, первый раз не считается. Итак, первого раза не было. Начинаем считать прямо со второго. Второй, третий, четвертый. Итого — три раза.
— Интересно: кто это сегодня налетел? Англичане или русские?
— Англичане не могут. Поскольку герр Геринг давно сказал, что более ни одна английская бомба не упадет на Германию.
— Значит, русские?
— Русские не могут. Поскольку герр Геббельс еще в прошлом году сказал, что у русских не осталось ни одного самолета.
— Кто же бросает фугаски на Кенигсберг?
— Никто не бросает. Это все учебные тревоги.
— Ой!
— Спокойно! Тихо! Без паники!
— Слыхали, какой взрыв?
— Это учебный взрыв.
— Ой! Опять учебный взрыв!
— И еще более сильный. Учеба идет в гору.
— В прошлую тревогу одна учебная фугаска оторвала голову моему дяде.
— А другая учебная фугаска попала в завод — двух цехов как не бывало.
— Да, учеба дорого стоит...
— Кто там завел разговор о дороговизне? Прошу прекратить!
— Уф! Я только что подымался наверх. Смотрел в окно. В городе много пожаров.
— Учебных?
— Да, да. Рядом с нами целый квартал охвачен учебным огнем. Слышны учебные крики людей.
— Ужас! Меня охватывает... учебный страх.
— Еще я видел там в окно: кареты везли убитых и раненых.
— Это не настоящие: это учебные кареты везли учебных убитых и учебных раненых. И вообще кто вам позволил бегать и смотреть в окно? Завтра прочитаете газеты и все узнаете. Я уверен, что там ничего о том, о чем вы рассказываете, не будет ни слова. Какое же право вы имеете распространять сведения, неопубликованные в печати? Ваша фамилия?
— Ай!
— Майн готт!..
— Какой ужас! Стена рухнула.
— Ведь это же — учебное бомбоубежище.
— Встаньте, фрау Мюллер, очнитесь. Все окончено.
— У нее учебный обморок.
— А что стало с герр Шмуцке?..
— Стена прямо на него навалилась. Бедный герр Шмуцке! Царство ему учебное...

Г. РЫКЛИН

ВСЕ ДОВОЛЬНЫ

Рис. В. Горяева

В Дьеппе (Франция), в городском саду, обнаружено 4 трупа немецких солдат.

— Спасибо, голубчики! Опять насорили!

Глубокая разведка

РАЗНЫЕ мне приходилось слышать истории, но такой, откровенно скажу, не слыхал. Рассказывал мне ее разведчик Толстов, Алексей Никодимович. Вот она вам слово в слово:

— Надо вам заметить, что гражданская моя специальность—сторож на городском кладбище. Вот я вижу: вы улыбаетесь! А это я к тому говорю, что к работе разведчика я никакого отношения прежде не имел.

Когда попал я в разведотряд, стал ходить за «языками». Дело это для меня было непривычное, но ничего: привык, наловчился. Первый случай, правда, был не очень удачный. Схватил я немца — он вырвался. Я в него гранатой. Получился из «языка» покойник. Поэтому я вам про другой случай расскажу.

Пошли мы опять за «языком»: я, Плетушкин и Кругликов. Наскочили на здоровенный отряд. Нас трое. Немцев штук двадцать. Действовали мы, в общем, неплохо. Перебили, наверное, половину и поползли, куда было условлено. И тут со мной неполадка вышла: только отполз—долбануло меня чем-то по голове. В глазах стало темно как в могиле. Пока я, как говорится, удивлялся и приводил мысли в порядок, отволокли меня немцы довольно далеко.

Привели на допрос. Ничего, говорю, вы от меня не узнаете, кроме того, что я сам пожелаю сказать. Зовут меня Толстов, Алексей Никодимович. По национальности я русский. Родной мой язык—русский. И во рту у меня русский язык, присягу не нарушает. Я знаю, вы меня расстреляете, но и вам не уйти живыми: похоронят вас советские бойцы по первому разряду.

Повели меня на расстрел: обер-лейтенант и пять рядовых. Дошли до опушки леса, суют мне в руки лопату: «Копай!» Дело привычное. Стал рыть могилу. Горка земли растет, а я поглядываю на фрицев: «Эх, думаю, какие «языки» пропадают. Никакой из меня разведчик не вышел». А обер-лейтенант смотрит в яму и торопит: «Шнель, шнель!» Я ему руками показываю: «Не учи, мол, сам знаю».

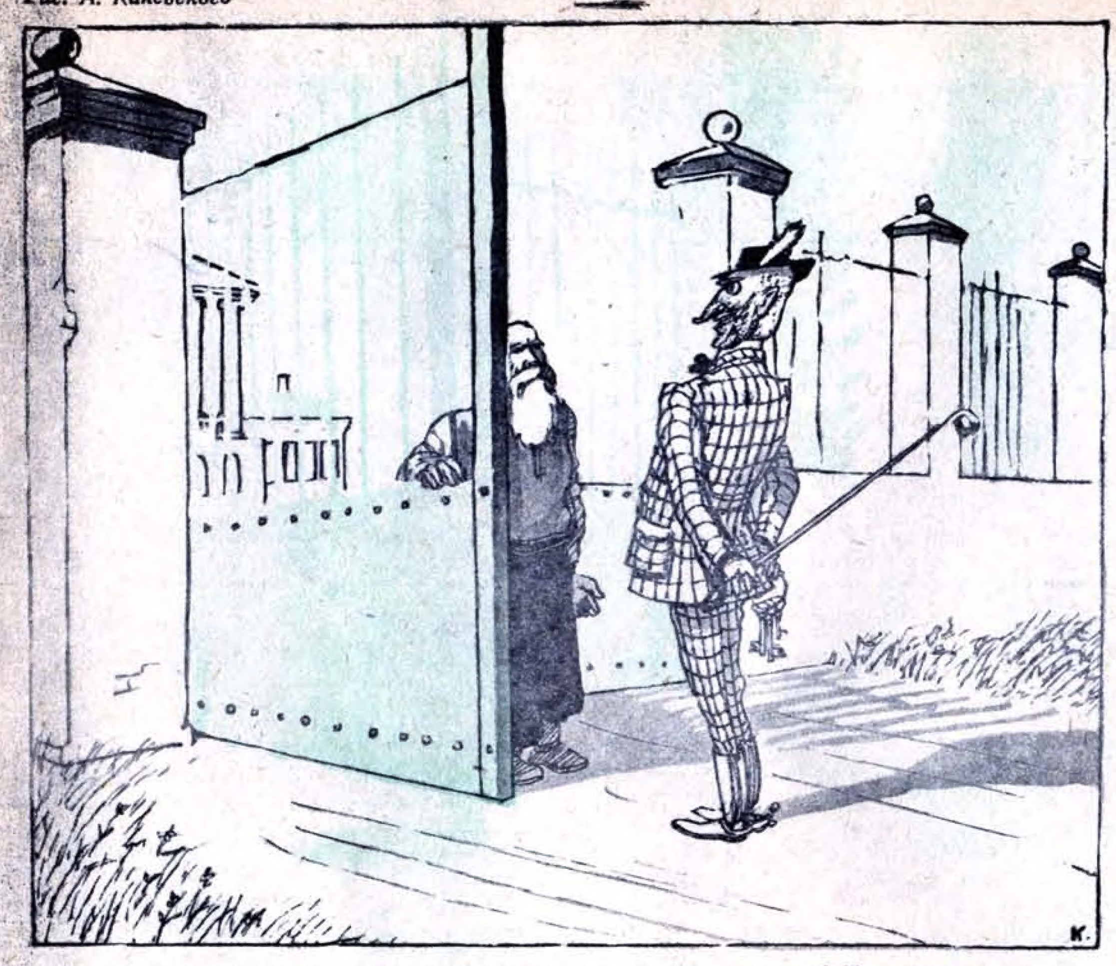
Рою себе могилу и вдруг слышу: летят. Засуетились немцы. Попадали носами в землю. Ну, думаю, наши! И вдруг ффффииииюууу..! Как ахнет! По самой опушке. Я пригнулся в могиле, только успел подумать: «Ладную я себе щель выкопал!»—как свистнет! Меня только землей закидало. Могила спасла! Вот получилось правильное взаимодействие наших воздушных сил с отдельным разведчиком в глубоком тылу! Я тем более доволен, что обер-лейтенант оказался потом разговорчивым и дал в штабе очень ценные сведения. Уж я ему устроил вынос! До самых наших окопов тащил на себе. Он даже не пикнул ни разу: молчал, как покойник на панихиде. А в сумке у него карта оказалась. Артиллерия наша через два часа накрыла их огневые точки, как дубовой крышкой... Ну а что касается других пятерых немцев, то могила для них там готова. Глубокая такая, квадратная, в общем на любителя могила. Толстов рыл! Одним словом, считаю, что это лучшая из всех вырытых мною могил!

Ираклий АНДРОННИКОВ.

Калининский фронт.

ИЗ ЖИЗНИ «ПОМЕЩИКОВ»

Рис. А. Каневского

— Наконец-то я в русском имении своего папаши! Поди, ждет он меня?

— Ждет, ждет, царствие ему небесное!

Большой лазарет

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ германской военно-санитарной службы был настроен весьма решительно.

— Некуда класть раненых,— сказал он Гитлеру.

— Плохо,— сказал фюрер.— Сами виноваты: надо было раньше думать.

—Тут не только наша вина,— сказал представитель военной медицины,— раненые все прибывают и прибывают.

— Довольно! — строго сказал Гитлер. — Перестаньте болтать! Возьмите... ну, что бы вам отдать под лазарет? Ну, возьмите Данию.

— Что?! — удивился представитель военной медицины.— То есть как — возьмите?

— А очень просто: берите Данию и устраивайте там лазареты.

— Страна уж очень маленькая. Вы не представляете себе, какое количество раненых. И потом, что у них, у датчан, брать?

— Ну как это — что? Возьмите школы.

— Превосходно! В самом деле, какие-то датчане и вдруг — школы. Разрешите, мой фюрер, я возьму кусочек бумажки и буду записывать по порядку. Значит, так. Первое: все датские школы. Хорошо. Еще что?

— Скажите Квислингу, что я велел занять под лазареты все больницы и лечебные заведения в Норвегии.

— Слушаюсь. А как же их собственные больные,— так сказать, норвежцы?

— Что?

— Я говорю в том смысле, мой фюрер, что если норвежец там заболел, ну там тиф или холера, головные боли, рвота.

— Мне кажется,— сказал фюрер,— что ваша деятельность ограничена германской санитарной службой. Или, может быть, я ошибаюсь?

— Нет, нет,— угодливо сказал представитель медицины.— Вы не ошибаетесь. Вы совершенно правы. Могут же датчане обойтись без школ, почему же норвежцы не могут обойтись без больниц?! Так. Записал. В Норвегии берем больницы. Дальше.

— Что, еще мало?

— Мало.

— Вену берите.

— Слушаюсь. А что именно разрешите взять в Вене?

— В Вене что? Ну, гостиницы возьмите.

— Светлая мысль! Действительно, в тот момент, когда норвежцы больниц не имеют, венцам, понимаете, еще гостиницы подавай. А что если, мой фюрер, у венцев тоже учебные заведения забрать?

— Забирайте.

— Тем более, не видно, чтобы они чему-нибудь путному учились, эти самые венцы. Все только недовольство. Так, записали Вену. Что разрешите взять у греков, мой фюрер?

— Салоники возьмите. Там тоже учебные заведения и лечебные учреждения. Ну, может быть, все?

— Что вы! Нужно еще.

— Дунай берите.

— То есть как — Дунай?

— А так просто: Дунай и Дунай.

— Это же, извиняюсь, река.

— Ну что ж из того, что река?

— Не понимаю. Как же раненые — и вдруг в реке?

— Вы болван! Пароходы на Дунае есть?

— Безусловно.

— Ну так вот их и возьмите под лазареты. Ну все?

— На первое время постараюсь, так сказать, ограничиться.

— Что значит на первое время? Мало я вам выдал помещений?

— Господи! — сказал представитель медицины. — Что я, себе, что ли, беру эти помещения?

— Ну ладно, ладно,—сказал Гитлер.—Когда понадобится, придете опять. Подберу что-нибудь.

— Спасибо. Только имейте в виду: нам нужен большой лазарет, очень большой. А нельзя ли, мой фюрер, так выбрать какую-нибудь страну побольше — ну, вроде Франции,— и под лазарет ее, а жителей—ну, куда-нибудь там переселить, что ли?

— Подумаю,— сказал Гитлер.

К. ФИНН.

КОРОТКО, НО ЯСНО

Рис. А. Баженова

— Моя дивизия нуждается в пополнении, господин генерал!

— Сколько вам нужно?

— Дивизию!

Зарубежный юмор

ГИММЛЕР НАД ПРАГОЙ

Назначенный ответственным за противовоздушную оборону Гиммлер ночью поднялся на самолете над Прагой — проверить, как чехи соблюдают правила о затемнении. Посмотрел и остался доволен: нигде ни щелочки.

— Можно лететь обратно,—говорит пилоту.— Да сбросьте-ка им для острастки пару бомб.

Едва грохнул взрыв, внизу в десятке мест зажглись огни, а в центре города появилась светящаяся надпись:

«Добро пожаловать, английские друзья!»

(С чешского.)

ПАРИЖСКОЕ РАДИО

В префектуру прибежала взволнованная мать: потерялся ребенок.

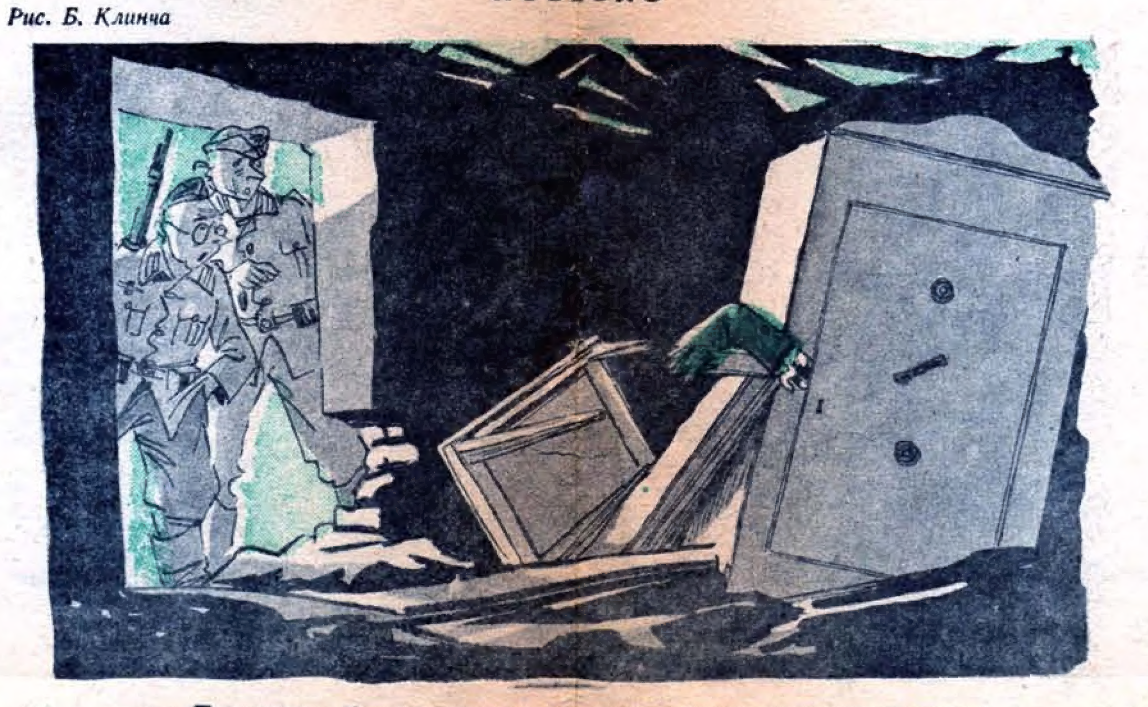
— Мы известим полицейские станции,— сказали ей.—Если хотите, можно также объявить по радио.

— Да, да, пожалуйста, объявите,— кивает плачущая женщина.— Только нельзя ли по лондонскому? Парижского-то у нас никто не слушает...

(С французского.)

ПОВЕЗЛО

Рис. Б. Клинча

— Посмотри, Карл, снаряд разорвался около полковой кассы.

— А деньги целы?

— По счастливой случайности. В кассе обнаружена оторванная рука обер-лейтенанта.

НА УЛИЦАХ БЕРЛИНА
(Впрочем, и других городов Германии)

Рис. Б. Фридкина

— Сколько раз тебя предупреждали держать язык за зубами!

— А где взять зубы, господин полицейский? Ведь в гестапо их давно все выбили.

Свиные рыла

«Ничего не вижу... Одни свиные рыла кругом...»

(«Ревизор». Действие пятое.)

Музей, усадьба иль могила —
Все, что нам дорого и мило,
В чем обаянья аромат, —
Все это топчет сапожищем,
Самодоволен и напыщен,
Одушевленный автомат!..

Старинный дом... Гранитный цоколь...
Резьба мемориальных плит...
— Кто жил здесь?
Кто учился?
— Гоголь!

— Кто он такой?
Чем знаменит?
Ты не слыхал, и ты не веришь,
Тебе — о прусский офицер! —
И Гоголь чужд в такой же мере,
Как Диккенс, Свифт или Шекспир!

О ты, затянутая шкура,
В твоем коричневом дому
Тебе и Шиллер — не фигура,
Тебе и Лессинг ни к чему!

Ты их понять никак не можешь,
Ты сверх — принципиально — туп.
Ведь прозу в кашу не положишь,
Ведь из стихов не сваришь суп!

И даже самой лучшей драмой
Ты не набьешь желудок свой!
Вот Гоголь осквернен той самой
Известной бурою свиньей.
Идет свинья, заходит с тыла,
Кровь от хвоста и до бровей —
Везде одни свиные рыла
Чисто эсэсовских кровей,
И хрюкают они, и скачут,
И задом чешутся о тын...
Что для свиней арийских значит
Литературный апельсин?

Им без культуры даже лучше!
Что им искусство? Нипочем!
Пусть будет этот грязный случай
Исследован и изучен,

Пусть будет он навеки признан
Советом из ученых лиц
Памятником идиотизма,
Не признающего границ!

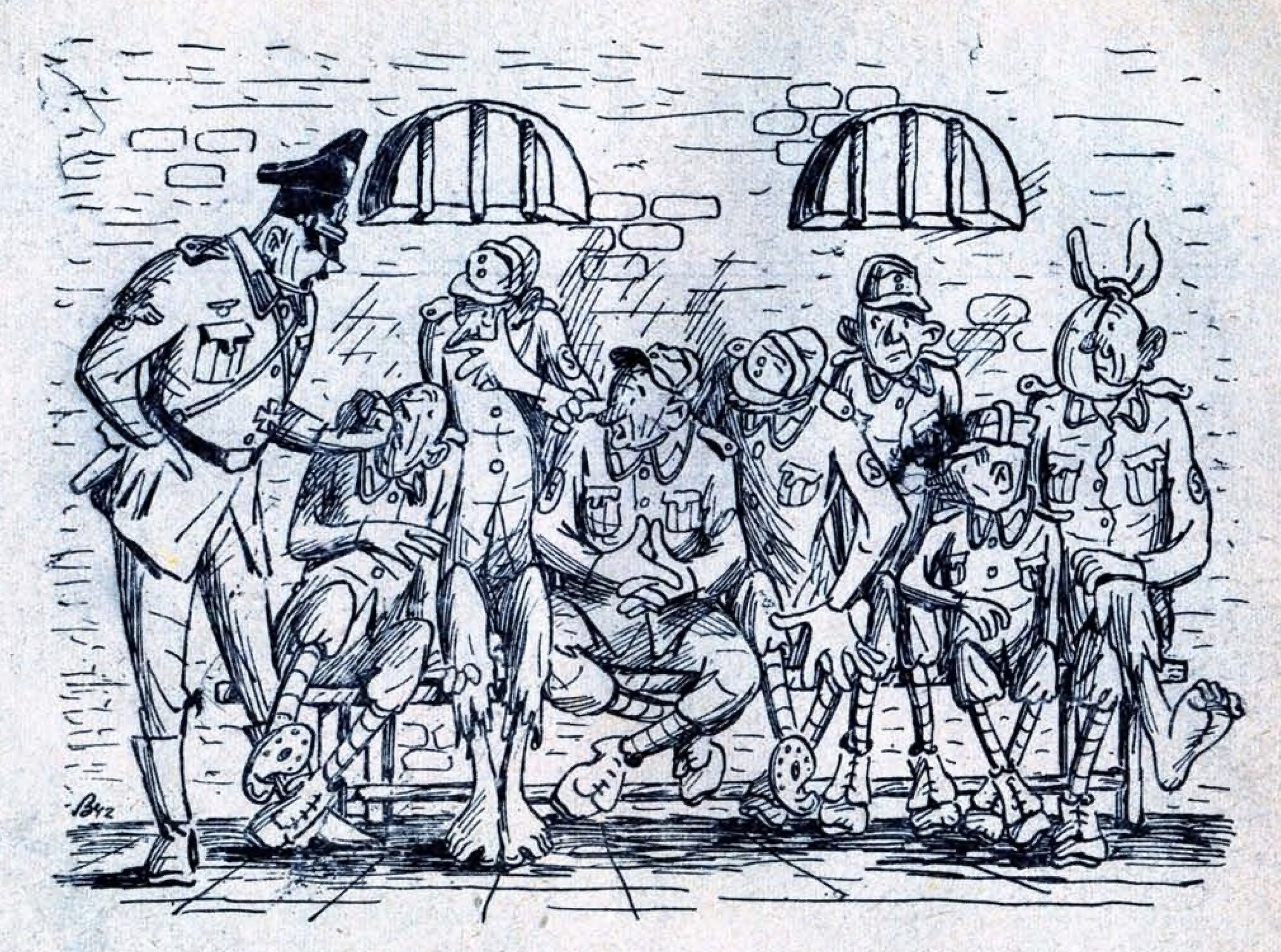
Все, что нам дорого и мило,
Мы восстановим в свой черед —
Все будет снова так, как было,
Но эта память не умрет!
Чем больше в мерзостном нажиме
Враг будет гадить, озверев,
Тем крепче,
тем неудержимей,
Тем яростней народный гнев!

АРГО

ОТКРЫВАЕМ ВОЕННУЮ ТАЙНУ

Тюрьмы Финляндии переполнены дезертирами.

Рис. Г. Валька

Месторасположение некоторых финских частей.

Кошка

ЭТО была самая обыкновенная кошка. Рыжая, с белыми пятнами. Она была голодна и жалобно мяукала, когда связисты Кобзин и Гридин нашли ее где-то под забором полуразрушенного снарядами и минами поселка.

Связисты накормили кошку, но недосыта. У них были для этого свои соображения.

...Связисты должны были поддерживать бесперебойную проволочную связь между наблюдательным пунктом, выброшенным на передовую линию, и артиллерийской батареей, которая вела огонь по белофинским дзотам.

Враг не мог нащупать ни наблюдательного пункта, ни батареи, но зато он вволю бесчинствовал над телефонными проводами. Белофинны словно чувствовали, что на этом небольшом, в 400 метров, участке — от полусожженной школы до бараков — тянутся нервы досаждавшей им батареи. И они щедро бросали сюда снаряды и мины. Кромсали и рвали телефонные провода к великому огорчению трудолюбивых связистов.

Кобзин и Гридин упрямо, под огнем, восстанавливали связь. Но провода опять прерывались, и все начиналось сначала.

Подумали наши связисты и решили обмануть белофинских минометчиков. Пришла им мысль провести телефонные провода под землей. Но для этого траншею нужно рыть. А место это просматривается противником, простреливается. Да и ночи в Карелии сейчас все равно, что день, — не спрячешься. Опять пришлось задуматься Кобзину и Гридину.

Пошарили они тогда около зданий, порыскали и обнаружили водопроводную линию, которая тянулась в нужном направлении, хотя и не по прямой линии, но все же на достаточной глубине, чтобы быть неуязвимой для белофинских мин.

Но кто же сможет пролезть в лоток для водопроводной трубы? Туда и голова не проходит, куда уж там туловище. Опять для связистов загадка.

Но вот тут-то и родилась эта идея. Кому она первому пришла в голову, трудно сказать. Во всяком случае, на поиски кошки кинулись оба. И вот теперь была у них одна единственная, оставшаяся во всем поселке кошка.

Привязали связисты ей на спину три конца телефонного провода и пустили в лоток. С одной стороны отверстие закрыли, а с другой—стали кошку звать. Кошка пошла и потянула за собой провода.

На улице через каждые сорок метров были водопроводные колодцы. И так вот, от этапа к этапу, и шла кошка, вытягивая провода по всем извилинам водопроводной трубы. Перед каждым новым отрезком пути кошке давали отдохнуть и затем пускали снова.

Кошка ступала по самой верхней части трубы, и таким образом провода ложились на самое сухое место. В одном месте кошка сорвалась и упала в лужу грунтовой воды. Но она сейчас же выбралась и продолжала свою работу. В другом месте она запуталась в проводах. Связисты уже с тревогой считали минуты. Но тут сказалась их предусмотрительность. Недосыта накормленная кошка, стремясь к новым подачкам, нашла в себе силы распутаться и выбраться из лотка.

Трудновато было ей и на последнем этапе пути: здесь труба шла по наиболее извилистой и ломаной линии. Кошке тяжело было тут тащить сразу три провода, пришлось ее пускать три раза с одним проводом.

И вот, наконец, вымокшая, но бодрая кошка появилась в нужном месте, выполнив до конца боевую задачу. Связисты, конечно, вознаградили ее по заслугам. Теперь белофинны могли сколько угодно бросать на этот участок свои мины. Телефонные провода были неуязвимы, и артиллерийская батарея жила зрячая, точная в своем огне.

Когда командир батареи, старший лейтенант Зайцев, узнал об этом факте, он распорядился: «Кошку сохранить в батарее».

Вл. КУРОЧКИН

Действующая армия.

Рис. Л. Бродаты

— Ну, как наши пессимисты, исправляются?
— Частично, фюрер. Раньше они твердили: «Увы, Гитлер проиграет войну!», — а теперь все увереннеи говорят: «Ура! Гитлер проиграет войну!»

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

НАДУЛ

— Посмотри-ка, Фриц! Наш обер-лейтенант кричал: «Вперед!», — а сам взлетел кверху.

(«В бой за родину».)

ПОПОЛАМ

— Ну, как жилось в Голландии, Фриц? Наверное, весь голландский сыр забрали?

— Ну, не весь. Поделились с населением. Сыр-то у них со слезой. Так вот, себе мы сыр взяли, а населению оставили слезу.

(«Боевая красноармейская».)

ТОНКИЙ РАСЧЕТ

— Скорей бы наш обер-лейтенант отдал жизнь за фюрера.

— А что?

— Да сапоги у него добрые.

(«Краснофлотец».)

МАСКИРОВКА ПО-НЕМЕЦКИ

— Господин генерал, мои солдаты от голода стали точно тени.

— Великолепно. Это позволит им лучше скрываться от противника.

(«За нашу родину».)

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»

— Что это так злятся Хорти и Антонеску?

— Пустяки! У них разногласия по транспортному вопросу.

— ???

— Хорти хочет оседлать Антонеску, а Антонеску желает взнуздать Хорти.

(«Красноармейский удар».)

ШОПОТОМ

— Не понимаю, зачем фюреру надо было стать еще и верховным судьей Германии?!

— Он боится, чтобы его не судили.

(«Знамя советов».)

СЛАДКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

— Помнишь, Карл, еще год назад мы брали все, что попадалось под руки.

— Да, но тогда у нас с тобой были и ноги и руки.

(«Сын родины».)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-22-50, Д 3-32-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал 1 р. 50 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда".

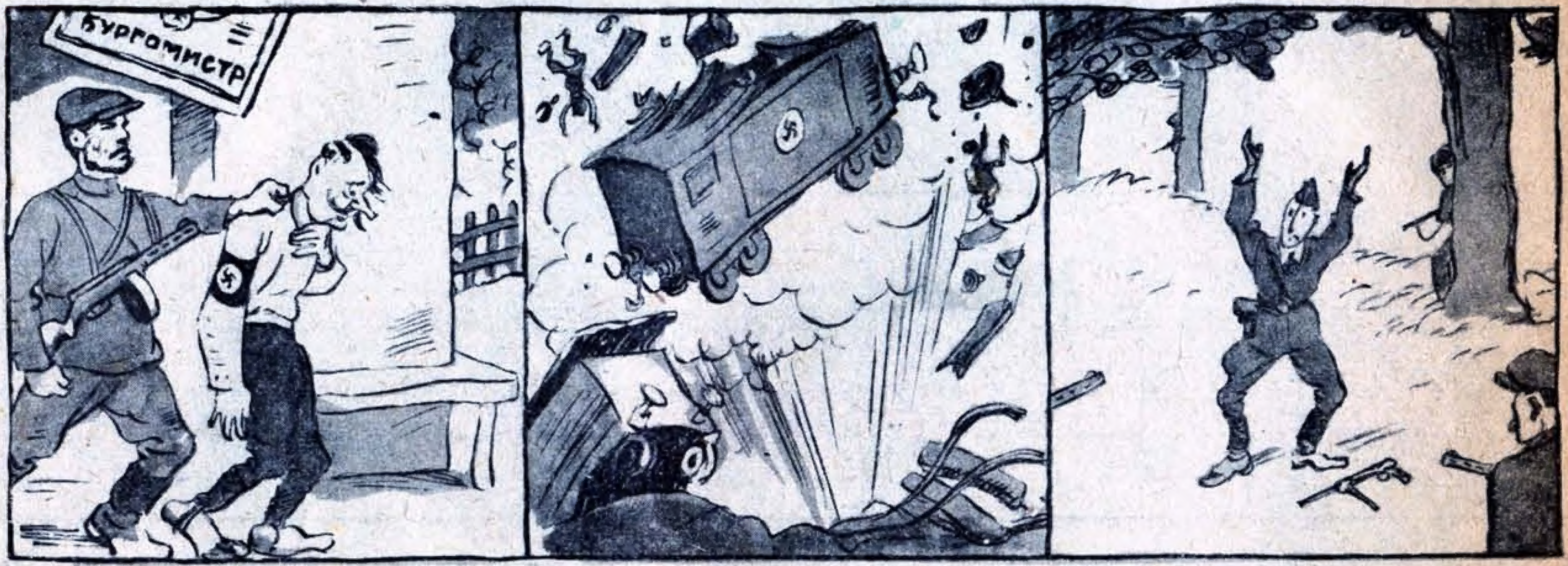
Москва. Изд. № 622 Подп. к печати 6/VIII 1942 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А61446 Типография газ. „Правда" имени Сталина, Москва, ул. „Правды", 24. Зак. 2141 Тираж 200 000 экз.

В ОДНУ ИЗ НЕДЕЛЬ

— Партизаны? Я их не боюсь! — сказал новый немецкий комендант (старого партизаны убили). — Объявляю неделю по борьбе с партизанами!

О том, как прошла эта неделя, и рассказывают рисунки нашего художника Бор. Ефимова.

ПОНЕДЕЛЬНИК

— Нечего сказать, хорошо начинается неделька!.. — сказал приятель коменданта немецкий бургомистр, когда партизаны в понедельник потащили его на расстрел.

ВТОРНИК

«Вторник — легкий день» — говорит русская пословица. И, действительно, в этот день немецкий эшелон на станции легко взлетел на воздух.

СРЕДА

Как видите из рисунка, среда заела господина обер-лейтенанта.

ЧЕТВЕРГ

— Рус, сдавайся! — кричали немцы.

— После дождичка в четверг! — ответили партизаны.

И вот что случилось после дождичка в четверг.

ПЯТНИЦА

Невеселая была пятница у нового немецкого коменданта. «Хорошо, что не семь пятниц на неделе», — думал он, улепетывая от партизан.

СУББОТА

Во субботу, в день ненастный...

ВОСКРЕСЕНЬЕ

День отдыха.

Рис. Бор. Ефимова